

ПУТЬ КАЛАТОВОЗА

Конечно, я пальцем строчки не считал, но, по моим ощущениям, половина текста книги Юрия Богомолова о Михаиле Калатозове посвящена не фильмам Калатозова, а тому, что вокруг. Причем это не то, что раньше называлось «фоном», скажем, лозунги Великого Перелома для «Соли Сванетии» или ситуация Двадцатого съезда партии для «Журавлей». У Богомолова не «фон», а нечто существенно более близкое искусству: система мотивов, язык, на котором говорят и мыслят художники. В известном смысле — нечто среднее между «фоном» и конкретными средствами выразительности. Искусствоведение наше в описании средств поднатерло, оно умеет каталогизировать ракурсы, приемы, актерские амплуа и проч., про «фон» и говорить нечего — тут все умеют, а вот тот, неуловимо «серединый» пласт между «фоном» и средствами, именно то, что воспринимается, подхватывается, оспаривается, поворачивается и переосмысливается художниками, являясь, собственно, языком искусства. — это у нас мало кто чувствует. А Богомолов именно на этом все строит. Потому и «вокруг» много прорисовывает.

Тут властная диалектика. Если такие диаметрально противоположные режиссеры, как «традиционалист» Райзман и «авангардист» Калатозов, согласно приходят в 30-е годы к авиаметафорике, то не только потому, что спустили им «социальный заказ» отразить жизнь летчиков, а более потому, что полет действительно был ключевым мотивом эпохи. Или, скажем, киноагитки времен войны: логика цитат из довоенного быта — «синий платочек» на фоне пожара, мотив амuletа — с помощью этой логики Богомолов расширяет фильм «Непобедимые», открывая в этой забытой калатозовской ленте 1942 года куда больше, чем в нее было заложено прямым авторским заданием. Или неисчерпаемо-загадочные «Журавли», высшая точка калатозовского пути, мировой шедевр, фильм, определивший у нас целую киноэпоху, больше, целый психологический пласт бытия, с точки зрения «средств», это возразит к 20-м годам, но логика мотивов открывает совершенно другую — и истинную! — сверхзадачу: не героическую «коллективизацию чувств», а, наоборот, их трагическое индивидуальное расчленение.

При таком подходе конъюнктурная податливость Калатозова, вроде бы следовавшего за всеми поворотами спроса (на рубеже пятидесятых — «Заговор обреченных», в «оттепель» — «Верные друзья», потом целина и т. д.), оказывается далеко не такой простой: в каждой ленте мастера таятся секрет, мелодика побочных мотивов, система отходов и отступов от канона, которые и составляют суть высказывания (иногда полузадавленного). В этом смысле противоречива не просто путь режиссера — противоречива полная скрытого драматизма каждая его работа. Что и показывает критик.

Проблемой остается целостность пути. Стремясь ощутить единство в противоречивом, неравноценном, мозаичном наследии Калатозова, Богомолов монтирует свою книгу в обратной перспективе, начиная с прощальной ленты, с «Красной палатки», опрокидывая ее логику на ранние работы, высвечивая извивы пути из финальной точки. Как прием — хорошо. Как решение задачи — недостаточно. Нужна мощная общая идея, в которую калатозовское наследие вписалось бы со всеми поворотами, зигзагами, взлетами и провисами.

Такая идея в книге есть, это идея романтического сознания, взаимодействующего в разных ситуациях с ощущением реальности.

Никак не оспаривая этой идеи, слишком очевидной, чтобы быть неправильной, я бы все-таки считал ее лишь отправной точкой. Линий через эту точку можно провести множество. И какая из них будет актуальной, тоже еще вопрос.

Не с целью попасть в резонанс нынешнему национальному многоголосию, а просто размышляя над тем, как согласовать неистовый, воспаленный авангардизм «Неотправленного письма» или фильма «Я — Куба!» с сочной и вкусной пластикой «Верных друзей» или даже «Вихрей враждебных», я предположил бы вдуматься сейчас в грузинские корни Калатозова. Две основные ипостаси грузинского духа: воспевающая, музыкальная, аскетически-вертикальная, горная — от Галактиона Табидзе и расплывающаяся, пластичная, живописная, панорамирующая, дольняя и долинная — от Георгия Леонидзе...

Калатозов вряд ли искал себя в этих координатах, он был, что называется, осознанно советским художником.

Но судьба художника таит в себе больше, чем дано осмыслить вместилищу этого художника человеку.

Разгадывать оставленную загадку должны мы: потомки, зрители.

Книга Юрия Богомолова — необходимый этап в этом осмыслении.

Л. Аннинский

а что у вас?

«Экран» пригласили в Центральный Дом кинематографистов. «Экран» с удовольствием принял приглашение и взял с собою в гости в ЦДК своих авторов и героев.

Поговорили о том о сем. Эльдар Рязанов, невзирая на простуду, рассказывал что-то смешное и даже читал вслух самого себя — статью собственного сочинения из журнала «Экран». Андрей Пылаев представлял нашу, уже известную читателям «Му-му». Вадим Добужский пародировал. Целой «командой» прямо из Кремля, с российского съезда народных депутатов, появились на сцене ЦДК представители Всероссийской телерадиокомпании. И какие — целое созвездие популярных телеведущих! — Александр Гурнов, Евгений Киселев, Виталий Максимов, Юрий Ростов, Светлана Сорокина, Владислав Фляровский...

Всем — спасибо! Жаль, что не нашел времени и возможности приехать молодой актер и начинающий режиссер Олег Фомин. И мы, и зрители ждали его, но он не удостоил...

Более экзотических не было, и вечер, к удовольствию зрителей и гостей, прошел довольно славно.

Фото Ю. Федорова

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

В Киеве родился новый журнал о кино. Возможно, наш партнер. Возможно, конкурент. Но мы все равно ему рады. И шлем свой пламенный привет.

Киев, Саксаганского, 6, в редакцию журнала «Вавилон»

Братски обнимаем Тебя, дорогой Новорожденный, новая поросль славной семьи отечественных киножурналов! Ты вызван к жизни насущной потребностью. Сеять разумное, доброе, вечное — может ли быть благодарней задача? Нет! Свет знаний тому, кому и в самом деле кино кажется важнейшим из искусств, приобщать широкие массы к прекрасному, напоминать о высоком, уточнять главнейшие духовные ориентиры... Бог Тебе в помощь, как говорится! Пусть Ты не знаешь бы на этом гордом пути ни наших трудностей, ни ошибок, ни бурного воодушевления от пустяков, ни позорного и мутного отрезвления. Хорошую бы Тебе мужскую взыскательность, чтоб не кормили Тебя макиной и не водили на поводке. Доброй Тебе, настоящей запальчивости, чтоб смело спорить и даже воевать с теми, кто, по-твоему, не помогает делу, в том числе почему бы и не с нами, ветеранами, латанными, подлеченными, завистливо равняющимися на молодежь...

Знал бы Ты, сколько будет еще добрототов взята Тебя в руки, повернуть туда-сюда, настоять из самых лучших чувств на пошлости и подлости, а то и кулачком пристукнуть, ножкой топнуть, если Ты не поддашься на льстивые речи.

Зачем, Малыш, тут никаких новых рецептов не придумаешь — остается старый: неси свой крест и веруй. Только этот.

Не в самое легкое время появился Ты на свет. Тебе еще расскажут о перестройке — так вот, она идет под гору. Кто-то уверенный скомандовал на верхнем этаже: «Полный назад!» Скомандовал шепотом. Нас постеленно выправляют — правее, еще правее, еще чуть-чуть, — пока не станет поворот кругом. Большая Ложь поднимает голову, не добитая нами, живучая, полезла из всех щелей. Радио, телевидение, газеты, будто по кнопочке Президента, перестали стыдиться вранья. Идет завинчивание гаек. Государство становится правовым — в оглядке на крепостное право. Да здравствует великий, могучий, обновленный Союз — тот же лагерь, только с человеческим лицом на колючих воротах. Чукча знает, чье это лицо.

Времена не выбирают, это так. Но суровое детство закаливает организм и душу. Поэтому только вперед! Становись поскорее на ноги! Мы очень на Тебя надеемся. Гуртом, говорят, хорошо батьку и бить.

Да пошлетса Тебе удачливая, достойная судьба!

«ЭКРАН»

МАМА И МАША

Вот такое совпадение: Лариса Голубкина смотрела фильм «Ребро Адама», где одну из главных ролей сыграла ее дочь, в том же мосфильмовском кинозале, в котором когда-то смотрела впервые свою «Гусарскую балладу». По ее собственному признанию, ей тогда хотелось спрятаться куда-нибудь, а зал — даже с погашенными лампами — казался чересчур освещенным.

Семнадцатилетняя Маша Голубкина входит в кинематограф так же стремительно, как мама, но, пожалуй, несколько посмелее. Во всяком случае, на актерском фестивале «Созвездие» она никуда не пряталась — с удовольствием изображала кинозвезду, вела светские беседы, охотно давала интервью. Все это вовсе не означает, что для Маши все так уж ясно и безоблачно. Просто нынешние подростки независимее, «взрослее» своих сверстников тех далеких шестидесятых.

Предложение сняться в «Ребре Адама» поначалу было встречено Машей с недоверием. Проще говоря, она решила, что кто-то ее разыгрывает. И когда позвонили с «Мосфильма», и когда вынула из почтового ящика сценарий, и даже когда приехала на студию, все думала — разыгрывают. К фильму сейчас относится скептически: не понимает, почему ее ровесница-героиня решилась в 15 лет родить ребенка. Маша считает, что представительницы ее трезвомыслящего поколения в реальной жизни вряд ли на такое решились бы.

Маша — девушка самостоятельная и согласна на участие в картине давала сама, без совета с мамой. Впрочем, мама в этот момент была в отъезде,

а когда вернулась, посмотрела кинопробы и уверенно подтвердила: соглашайся!

— У меня только одна тревога, — говорила мне о Маше Лариса Ивановна Голубкина. — Станет она актрисой или нет, лишь бы не появился цинизм, лишь бы не порушилось в душе что-то важное, главное. У Маши всегда была домашняя жизнь — бабушки, няньки. Если мы в Москве, то всегда дома были и завтрак, и обед, и ужин. Это в последние три с половиной года я как-то немножко «отпустила» дом. И все-таки стараюсь сохранять его таким, каким любил Андрей Александрович Миранов. Он вообще был очень домашним человеком, ценил уют, семейное тепло. Иногда мне кажется, что он может вдруг войти в квартиру и сказать: «А у вас беспорядок...» Вот это мое ощущение, что все, что я делаю в доме, делаю для него, мне кажется, и Маше передается...

Правда, Маша призналась мне, что в ее комнате порой царит творческий беспорядок.

— Как у обычной семнадцатилетней девушки?

— Нет, не как у обычной. Не у каждой девушки по комнате разбросаны этюдники и кисти.

— Что ты рисуешь?

— Когда что... Это просто для удовольствия. Так — широкий жест, развлечение для богатых. Не в том смысле, что я богатая, а просто рисовать — такое приятное развлечение. И интеллигентное...

Что касается сценического дебюта Маши, то он состоялся несколько лет назад. В «мамино» театре — Цен-

тральном театре Советской Армии — она играла в спектакле «Макбет»... сына леди Макдуф. «Было смешно и интересно, и почему-то весело. Там такая трагическая сцена, вроде бы умирать надо, а я смеюсь». Вот пока и весь сценический опыт.

Когда этот журнал придет к читателям, Маша Голубкина окончит школу. О будущем просила пока не распространяться. Что касается ее теперешней учебы, то дается она довольно легко. Маша признается, что до восьмого класса всех смешила на уроках — ощу-

чала себя немножечко клоуном. Теперь стала серьезнее.

У них добрый старомосковский дом, хранящий традиции, приветливый к гостям. Это дом Андрея Миронова, дом, каждый обитатель которого известен и любим кинозрителями. Теперь вот узнали и Машу — в Смоленске ей вручили приз за лучший дебют.

Может быть, они еще сыграют когда-нибудь вместе — мама и Маша? Может быть, даже маму и дочку?...

К. САШКО

Фото Н. Гнисюка

Экспресс-опрос

Дорогой читатель! Меняется время, должен меняться, сообразуясь с переменчивыми интересами читателей, и журнал. Мы много думаем сейчас над новыми рубриками, вводим новые тематические пласты, жанры, методы оформления. Вероятно, на этом пути неизбежны ошибки, спорные решения — кого-то новшества порадуют, кого-то огорчат. Нам крайне важно знать ваше мнение о том, каков журнал сегодня, каким ему быть в дальнейшем.

Будем благодарны, если вы ответите на некоторые вопросы о номере, который держите в руках.

1. Назовите материалы, которые вы прочитали с особым интересом...

2. ...и материалы, которые казались вам ненужными, неинтересными (по тематике или по исполнению).

3. Назовите страницы журнала, оформление которых показалось вам удачным... неудачным...

4. О чем вам хотелось бы прочитать в ближайших номерах?

5. Подчеркните, какие из тем и жанров вызывают у вас интерес? (Обзор новых фильмов, рецензия, творческий портрет актера или режиссера, отрывок из сценария; видео, телевидение, зарубежное кино, «болшевские истории», юмористический раздел «Му-Му».)

6. Кого из наших авторов вы читаете с наибольшим интересом?

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ — ВАШ «ЭКРАН»

НОЧНОЙ ОТЕЛЬ НА ОДИН ВЕЧЕР

Кадр из фильма «Ночной портье»

Через полвека после премьеры «Унесенные ветром» добрались до Страны Советов. Фильм Лилианы Кавани «Ночной портье» шел к нам неполных два десятилетия. Глядишь, в новом веке кинематографические шедевры будем смотреть почти одновременно со всем цивилизованным миром.

Так или иначе московская премьера «Ночной портье» наконец состоялась в том же кинотеатре «Октябрь», где недавно «презентировали» «Унесенных ветром» (см. «Э», 1991, № 1). Она была поскромнее, но и к ней ЕвроАСК и Ассоциация делового сотрудничества с зарубежными странами «MOST» выпустили сувениры и газету, в которой «Ночной портье» назван «самым скандальным фильмом нашего времени». Фойе кинотеатра было декорировано под европейский отель, у стойки несколько продавцов, одетых в униформу гостиничных портье, торговали дефицитной косметикой. Играла музыка из фильма, замечательно пела Мария Иткина, трое молодых людей танцевали нечто импровизационное, навеянное фильмом...

Что касается самого «Ночного портье», то публика смотрела его напряженно, однако к финалу была, кажется, несколько разочарована. «Самый скандальный фильм нашего времени» оказался вовсе не таким уж скандальным. Прекрасное кино! А скандалов у нас без него хватало и пока что не убывает.